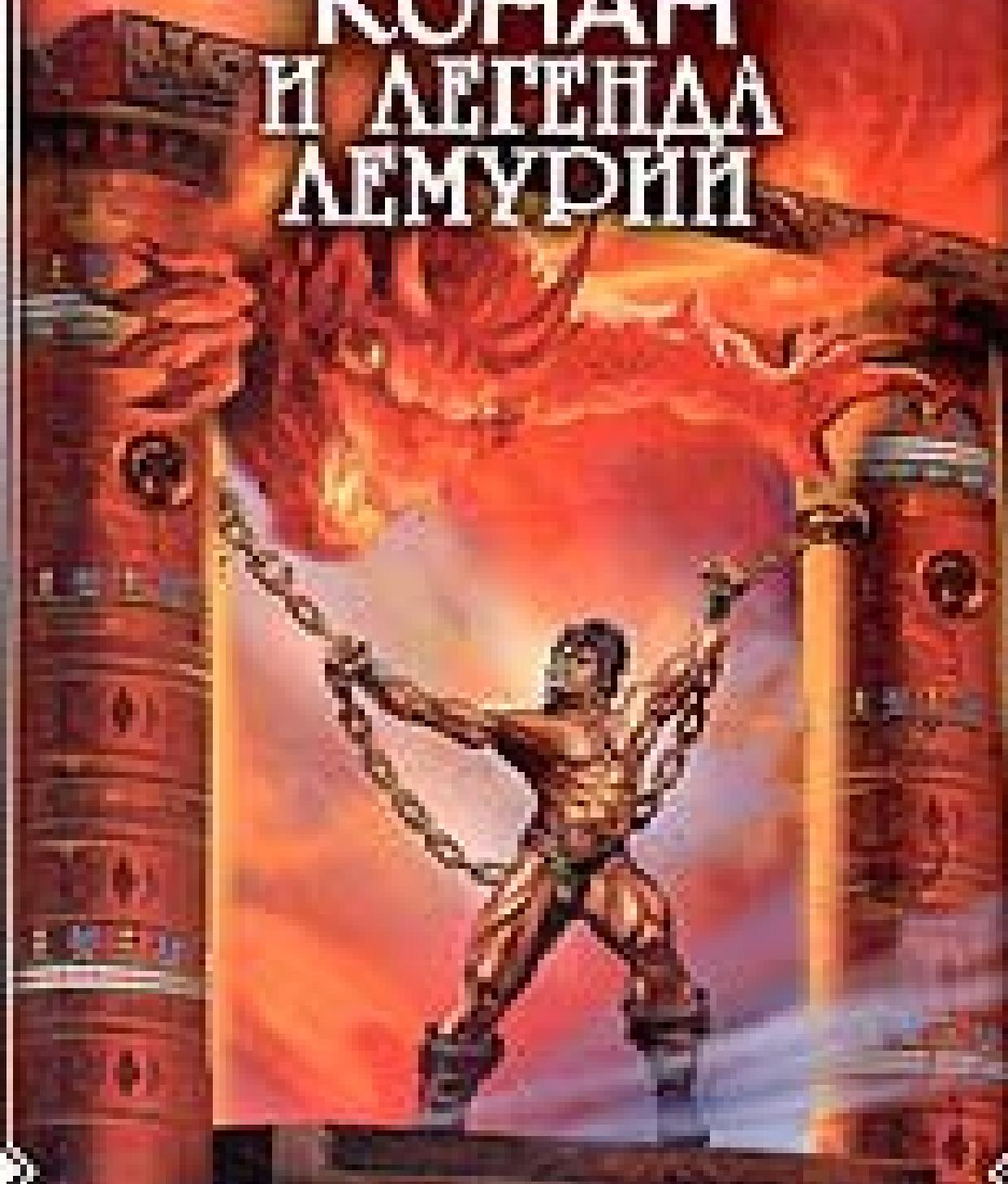

Библиотека

КОНАН ПАГЕНАА АЕМУРДИЙ

Annotation

Неугомонный киммериец ни единого дня не может прожить без приключений. Вместе с Ночными Стражами – профессиональными охотниками на нечисть – он отправляется в далекое прошлое, во времена таинственного Роты-всадника, в поисках разгадки кровавой тайны. А по возвращении в Хайборию его захватывает водоворот еще более удивительных событий...

- [Ник Орли](#)

◦

Ник Орли

Конан и легенда Лемурии

Обоз из десятка тяжело нагруженных телег медленно тянулся по разбитой дороге вдоль Карпашских гор. Конан из Киммерии пристал к обозу и теперь шел рядом с хозяином обоза, молодым купцом по имени Хорнеши, который на своем гнедом жеребце подъехал посмотреть на нежданного попутчика.

... Конан уходил из Шадизара, оставляя позади великие подвиги и еще более великие ценности, обретенные в дерзких вылазках на сокровищницы богатых людей города, но самым великим оказались те попойки, в которых киммериец спустил все добытое. Конан ни о чем не жалел, но соглядатаи правителя и городские стражники получили достаточно свидетельств причастности Конана к краже сокровищ.

Оборанные молодым воришкой и его друзьями богачи стремились если не вернуть украденное, то хотя бы примерно наказать дерзкого грабителя, да и показать заодно всем прочим искателям удачи, что даром такие подвиги не проходят. Стражники устроили настоящую облаву на Конана, и ему пришлось с боем пробиваться из города.

Кошелек с отложенными драгоценными камнями был срезан кем-то из собутыльников, а часть причитающихся ему денег Конан не успел получить у скупщиков краденого. Единственное, что Конан вынес с собой из Шадизира – это свой верный меч в потертых ножнах.

Здоровенный детина – слуга и телохранитель месьора Хорнеши, – бросая на меч Конана подозрительные взгляды, держался рядом с купцом, всем своим видом демонстрируя готовность защитить хозяина от любых посягательств подозрительного попутчика. Впрочем, Хорнеши не производил впечатления изнеженного лавочника, привыкшего к спокойной торговле под защитой городских стен и бдительной стражи. Он сидел в седле с видом опытного наездника, держался настороже, а сабля, висевшая на его поясе, явно была не парадным украшением.

– Покажи-ка свой меч, – сказал Хорнеши киммерийцу. Конан вытащил меч на три четверти из ножен и, не выпуская рукоять из рук, показал клинок Хорнеши.

Тот усмехнулся:

– Кровь стерта, но клинок не очищен и щербины на лезвии не сточены. Похоже, ты рубился этим мечом не далее, как вчера? Я не прав?

– Что, дорога в этих местах небезопасна? – спросил в ответ Конан.

– В последнее время в этих местах было разграблено несколько обозов, поэтому правитель Шадизара выделил мне десяток воинов для охраны.

– Я вижу только шестерых.

И действительно, впереди обоза ехали шесть воинов.

– А тебе и не положено видеть всех! За тебя пока никто не поручился, и почем я знаю – может, ты сам из той же шайки и попытаешься помочь разбойникам? Обижайся, не обижайся – нам придется присматривать за тобой. Ну, а если на нас нападут и ты поможешь отбить бандитов, можешь рассчитывать на щедрое вознаграждение. Ты, я вижу, боец не из последних?

– Да уж, мне приходилось поработать мечом, и мало кто, познакомившись с ним,

расскажет об этом. А если никакого нападения не будет?

— Сможешь помочь на месте с разгрузкой товара — заплачу по обычной ставке. На привале будешь есть вместе с моими людьми — плошка каши меня не разорит, а держать возле себя голодного варвара я не собираюсь, это может обойтись гораздо дороже! — Хорнеши рассмеялся, поддал коню шпор и поскакал вперед.

Дорога пролегала по местам малонаселенным. Невысокие холмы, крошечные озера в обрамлении тростниковых зарослей, редкие рощицы. Поднимавшиеся в стороне горы, покрытые лесом, ничуть не походили на родные горы Конана, где скальные обрывы и крутые склоны делали хребты непроходимыми на десятки миль. Через здешние горы можно было пройти даже конным. «Как же это у меня смогли срезать кошелек? — вспоминал Конан свой последний день в Шадизаре, — Пока я спал, это сделать не могли, я собственоручно пришиб двух дураков, попытавшихся застать меня врасплох! Я сидел в таверне, веселье было в разгаре, и кошелек я постоянно проверял локтем. А потом вломились стражники, началась заварушка... А когда я оторвался от погони, кошелька уже не было. Получается, что какой-то шустрой гаденыш срезал мешочек с монетами как раз перед появлением стражников! Они меня отвлекли, и я не сразу понял, что остался без кошеля и без денег! Проклятые ворюги!»

Обоз между тем медленно двигался вперед. Попавшееся на пути селение проехали, не останавливаясь, только Хорнеши переговорил с кем-то из местных жителей и тут же вернулся к обозу. Конан посмотрел на скромный поселок, состоящий из двух десятков домишкей, и решил, что делать ему тут нечего. Конану нужен был город. И чем крупнее, тем лучше. В большом городе легко укрыться от ненужного внимания, достаточно просто найти работу, услышать новости о событиях в мире. В большом городе всегда найдутся богатые люди, которые хранят разные ценные вещи в дальних углах своих домов. И что им за радость — владеть ценностями, которые просто лежат в сундуках, никому не доставляя радости? И зачем толстосумам деньги, которые не приносят счастья ни им самим, ни окружающим?

Как ни готовилась к нападению охрана купеческого обоза, оно все равно оказалось неожиданным. В полусотне шагов от дороги из-за кустов поднялись четыре лучника и разом выстрелили. Двое солдат получили стрелы в лицо, третьего, повернувшего голову в момент выстрела, стрела ударила в шлем. Солдат выронил из рук копье, покачнулся в седле, но, оправившись, выхватил саблю. Десятник, быстрее всех среагировавший на опасность, успел дать шпоры коню и ушел от предназначавшейся ему стрелы.

Навстречу обозу уже мчались по дороге два всадника с кистенями в руках. Как ураган они пронеслись сквозь охрану обоза. Вот цепь одного кистеня огибает занесенный для удара клинок десятника, и железное ядро бьет его по шлему — вскользь. Однако удар оказался такой силы, что воина выбило из седла. Второй солдат пытается принять удар нападающего на щит, но тот выбрасывает вперед руку, ядро проходит над краем щита и сминает шлем. Оставшиеся двое охранников пытаются встретить нападающих, но конница встречает конницу только в движении — лошади шадизарцев топчутся на месте, не успевая набрать скорость, копье одного солдата проходит мимо цели, а сабля другого скользит по металлу оплечья второго кистенщика. Хорошо еще, что, уклоняясь от удара копья, разбойник не смог сам нанести удар, а второй охранник смог все-таки принять удар на щит.

— Селим! — кричит Хорнеши, показывая слуге следовать за ним, и скакет навстречу атакующим.

Селим уже опережает хозяина, но в его лошадь попадает стрела, от боли она встает на дыбы, и Селим падает на землю. Атакующий всадник проносится мимо и, спасаясь от ударов

кистеня, возницы опрометью бросаются прочь от повозок. Хорнеши налетает на второго всадника, уклоняется от удара кистеня и в воздухе мелькает его сабля. Но он не успевает! Сабля чуть-чуть не достает до шеи противника!

Тем временем двое возчиков решают постоять за себя – они укрываются за телегами, достают укрытые под пологами телег короткие тугие луки и начинают стрелять. Один из стрелков в засаде падает, и начинается перестрелка лучников. Еще двое возчиков, оказавшиеся переодетыми солдатами, бегом бросаются к засаде. Им нужно было всего лишь преодолеть полсотни шагов до стрелков и порубить их в мелкую сечку! Но, не добежав до засады нескольких шагов, оба воина с проклятиями падают на землю, запнувшись о протянутую перед кустами веревку.

Конан наблюдал за маленьким сражением, укрывшись за ближайшей телегой. Он отнюдь не являлся трусом, но изображать из себя мишень для стрелков было не в его характере. Всадники с кистенями, проскакав мимо обоза, развернулись и теперь шли в новую атаку.

Киммериец решил, что стрелки теперь не станут на него отвлекаться, и бросился навстречу всадникам. Те держались в нескольких шагах друг от друга, чтобы не попасть под кистень напарника. Поединок Конану был не страшен. Он пропустил мимо себя ядро кистеня и рубанул мечом. Удар меча отрубил нападающему предплечье вместе с наручем. Хлынула кровь, страшно вскрикнул изувеченный разбойник, кистень полетел в сторону, а Конану пришлось упасть, уходя от удара второго нападавшего, который тут же был вынужден встретиться в схватке с Хорнеши и Селимом.

Спешившийся Селим попытался атаковать разбойника метательными ножами, но поразить его не смог, хотя и отвлек. Хорнеши не сплоховал – достал-таки противника саблей. Сначала – полоснул по лицу, и следующим ударом, уже вдогон, снес голову.

Увидев гибель всадников, стрелки из засады скрылись в зарослях кустарника. Преследовать их никто не стал – это в чистом поле разбойников было бы легко догнать. Преследовать беглецов в зарослях слишком опасно, можно запросто нарваться на выстрел в упор из засады.

Воины, пытавшиеся атаковать стрелков засады, медленно возвращались назад. У одного из плеча торчал обломок стрелы, другой сильно хромал. Кистенщик с отрубленной рукой потерял сознание от потери крови, и один из солдат добил его. Уцелевшие солдаты и возчики помогали раненым.

Десятник, оправившийся от удара кистенем, подъехал к Хорнеши.

– У нас четверо убитых и пятеро раненых, – сказал он. – Надеюсь, что больше нападений не последует. Вряд ли в этой местности орудует несколько разбойниччьих шаек. К тому же, основную ударную силу мы у них выбили. Хотя, если честно, то без вашей помощи нам бы пришлось очень тудо.

– Оставим это, – поморщился купец. – Что будем делать с трупами? Негоже бросать их без погребения.

– Всех мертвцев необходимо забрать с собой. Наших следует похоронить по митрианскому обряду, бандитов – для опознания. Не могли они разбойничать в округе, не имея связи с кем-то из местных. Подбросим работы здешнему судье.

Один из конных солдат подъехал, ведя в поводу коня убитого кистенщика, и протянул поводья Конану:

– Твоя добыча, варвар.

– Ну как, господин Хорнеши, что мне причитается за помощь в этом бою? – спросил Конан, взяв поводья.

Хорнеши задумался:

– Ты хочешь получить плату и уехать? Или тебя может заинтересовать предложение постоянной работы? Я буду хорошо платить, и ты будешь не слугой, а компаньоном...

Конан усмехнулся:

– Нет. Я предпочитаю быть сам себе хозяином. Теперь у меня есть конь, и я не буду плестись за обозом пешком...

– Пусть будет так.

Хорнеши порылся в своем объемистом кошельке и протянул Конану пару мелких золотых монет и десяток медных.

– Не очень много, так ведь я не принц и не правитель, золота у скромного купца куда меньше, чем в королевской сокровищнице.

– Хорошо, – согласился Конан, – Этого золота действительно не слишком много, но и не мало для случайного заработка. Плата справедливая, хотя я предпочитаю щедрую. Посмотрим, может, убитого что-нибудь еще найдется?

Они подошли к убитому разбойнику, и Конан со сноровкой обшарил труп. Удалось отыскать кисет с несколькими медными и двумя серебряными монетами. Еще киммерийцу достались кинжал, сабля и плеть. Когда Конан собрался снять с убитого сапоги, к нему подъехал десятник:

– Вещи надо сначала предъявить судье для опознания, – объявил он.

Конан начал было набирать в грудь воздуха, чтобы подробно высказать десятнику все, что он думает о правосудии вообще, и о заморийских судьях в частности, но его перебил Хорнеши:

– Конан, во что ты оцениваешь эти вещи? Я заплачу тебе, если ты назовешь справедливую цену.

Конан рассмеялся:

– Хорошо! Пять золотых меня устроит. Легче будет ехать.

Конан получил деньги, вскочил в седло и погнал горячего коня по дороге на запад. Он решил покинуть Замору и отправиться через Карпашские горы в Коринфию. Варвар довольно скоро вернулся в то селение, которое они проехали незадолго до нападения бандитов. Там он быстро договорился о ночлеге. Расплатившись с хозяином дома медными монетами, полученными от Хорнеши, Конан получил не только место под крышей и обед за общим столом, но и все необходимое для дальнейшего пути – нож и кремень, веревку и соль, кусок точильного камня и пару локтей домотканой материи, пару караваев хлеба и кусок сала в чистой тряпице. Нашелся и дорожный мешок, чтобы сложить в него купленные припасы. Конан не делал секрета из своих планов, и вскоре выяснилось, что один из поселян тоже собирается ехать на запад – к соляным копям, расположенным по ту сторону Карпашских гор. Договорились отправиться с рассветом. Остаток дня Конан потратил на чистку клинка, проверил упряжь и снаряжение, после чего лег спать.

Поднялись утром с первыми криками петухов и выехали, не завтракая. Тилли – парень лет двадцати, отправившийся в Коринфию вместе с Конаном – кроме короткого меча прихватил лук с колчаном стрел, но лук лежал в тule по-походному, со спущенной тетивой.

– Думаешь поохотиться или опасаешься встретить разбойников? – спросил Конан.

– Разбойников? – усмехнулся Тилли, – Нет. Места здесь безлюдные, правда. Что тут

делать разбойникам? Кого грабить?

— Между прочим, на шадизарский обоз вчера напали, — возразил Конан.

— Ага, напали, — легко согласился Тилли, — только эти разбойники не с гор пришли, а с равнины. Мы-то тут вроде как на отшибе живем. А на равнине народ погуще живет, опять же чуть подальше река протекает. Река невеликая, узкая, да петлистая. И течет далеко. А берега вокруг перемежаются болотистыми низинками, зарослями кустарника, местами лес стоит. Там есть где укрыться от стражников. Так вот, когда обозы грабили, то обычно это бывало не возле нашей деревни, а подальше. После нападения бандиты уводили обоз, к реке и на лодках переправляли добро в укромные места. Ищи-свищи потом!

— А что же здесь никто не селится? Места вроде неплохие, и пастбища, и водопои.

— Ну, пасем скот-то, а как же? А жить в этих местах никто не живет. Пастухи летом со стадами ходят чуть ли не до самых гор, но потом возвращаются обратно. Старики поминали, что когда-то в предгорьях были поселения, но только давно уже там никто не живет. Людишки, конечно, ходят, не без того. Кто золото ищет, кто что.

— И что, находят золото?

— Находят, правда. Но немного. За сезон, бывает, намывают золотишко достаточно, чтобы зиму пережить. Но большого золота никто не добывал.

К полудню они были уже в горах. Тилли уверенно выбирал дорогу по лесным склонам. Дорога не была особенно тяжелой, но кони шли медленно — то преодолевая подъем, то осторожно спускаясь вниз. Вскоре Тилли вывел Конана в очередной распадок, где был чистый родник. Здесь они устроили привал.

Пообедали захваченной снедью, напились ледяной воды из родника, прилегли в тенечке отдохнуть.

— Вот сейчас передохнем, — говорил Тилли, — потом снова двинемся, и к вечеру будем уже на той стороне. Мне к соляным копям еще день пути будет, ну а ты сам себе хозяин.

— Часто здесь ездите? — спросил Конан.

— Ну, пару раз в месяц. Сам видишь — с телегой здесь не проехать, а верхом много груза не взять. А которую соль через Шадизар везут, то таким налогом облагают, что народ просто стонет.

Некоторое время они молчали, потом Тилли спросил:

— Конан, а тебе часто приходилось участвовать в настоящих боевых схватках?

Конан хмыкнул:

— Достаточно часто, чтобы я не мог их все припомнить.

— Понимаешь, меня дед немного учил обращаться с мечом, правда, но я никогда не бился с настоящим противником. Может, ты мог бы меня немного поучить?

Конан снова хмыкнул:

— Ну, покажи, что ты умеешь.

Тилли поднялся, вынул свой меч и, собравшись, показал. На взгляд Конана это были скорее парадные движения, чем боевые.

— Это все? — спросил он, когда Тилли остановился, опустив меч.

— Ну... да.

— Тогда послушай. Во-первых, все эти финты тебе не понадобятся, если будешь биться с конным противником. В такой схватке у тебя будет мгновение, чтобы отразить удар противника или рубануть самому. В таком случае самое важное — уловить момент для удара и нанести удар как можно быстрее. А вот если придется биться с пешим...

Конан легко поднялся на ноги, достал свой меч и провел носком сапога две черты на земле.

— Вставай сюда.

Они заняли позицию друг перед другом.

— Бей.

Тилли нанес удар, явно стараясь быть готовым к тому, чтобы остановиться, не поранив соперника. Но это не понадобилось. Конан сделал шаг назад, пропуская меч мимо себя, и показал, как пошел бы его ответный удар — удар, который Тилли никаким образом не мог бы уже отразить.

— Понял?

— Понял...

— Бей.

Тилли сделал шаг вперед, занся свой клинок для удара, но Конан тоже сделал шаг вперед, перехватил руку Тилли и ткнул его в живот рукоятью своего меча.

— Понял?

— Понял...

— А что понял?

— Что в поединке надо следить за дистанцией не меньше, чем за движением клинка, правда?

— Пойми лучше другое. Если ты встретишься с опытным бойцом, никакая твоя учеба тебе не поможет. Но если твой противник допустит сбой или ему будет что-то мешать, лови момент для нанесения удара. И пытайся нанести удар в самом быстром темпе, как только сможешь. А фехтовать лучше не пытайся. Не надо.

Они убрали мечи и вновь легли на траву.

— Спасибо за урок, Конан...

— На здоровье.

Помолчав, Тилли снова заговорил, теперь уже о другом:

— А вот за этой горой лежит небольшое горное озеро, а рядом с ним пещера. Жуткое место, правда. Кто туда ходил — ни один не возвращался.

— Если никто не возвращался, то откуда ты про нее знаешь? — равнодушно спросил Конан.

— Нет, — оживился Тилли, — к озеру-то мы ходили, и пещеру издали видели, а вот из пещеры никто не возвращался! Про нее старики еще говорили, что там древнее гнездилище лемурийских демонов. Легенда такая... Два раза в год они выходят на поверхность... Ага, потому-то и стоят предгорья пустые! Ну а кто вздумает в пещеру сунуться, того демоны сожрут в любое время года! А как раз одна шайка кладоискателей при мне туда уходила, правда! Шесть человек их было: маг с двумя учениками и трое здоровых мужиков для охраны, ну и для тяжелых работ, понятно. Ушли они туда, и никто их больше не видел...

— Маг, — скривился Конан, — ну, конечно...

Вечно они пытаются ухватить кусок, который не в силах проглотить... Сколько я с ними не встречался, обязательно оказывались сволочами. Других, похоже, среди магов просто не бывает. Думают, что если научились каким-нибудь подлым фокусам, то теперь могут делать все, что придет в их безумные головы. Знаешь лучшее средство от магии? Меч!

— Ну, этих шестерых я просто сам видел, правда. Но и раньше, говорят, туда пытались ходить разные люди. И золотоискатели, и чудаки разные. Не из местных, конечно. Мы тут

привыкли и знаем, что можно делать, а что нельзя. А чужаки, которые о таких вещах знают только понаслышке, бывает, прослышишт о нашей пещере и решат, что там сокровища грудами лежат и только их и дожидаются!

— А съезжу-ка я посмотреть на эту пещеру, — решил Конан.

— Зачем? — испугался Тилли, — Конан, никто никаких сокровищ в глаза не видел!

Выдумки все это!

— Я знаю.

— Тогда зачем? Зачем будить спящих демонов?

— Слухи всегда преувеличивают опасность. А мне интересно посмотреть, что же это все-таки за лемурийская пещера.

— Конан, не надо этого делать. Я уезжаю прямо сейчас, ни помогать тебе, ни ждать тебя я не стану!

— А я тебя о чем-то просил, что ли? И дорогу через горы я вполне осилю один. Поезжай, не волнуйся.

— Ага, не волнуйся, а мне потом как возвращаться?! И что бы мне было язык мой не прикусить покрепче...

Тилли поспешил собраться, вскочил в седло, тронул коня, потом снова обернулся к Конану:

— Поедем, Конан? Ну ее, эту пещеру?

— Нет.

Тилли хлестнул коня и ускакал, ругаясь.

* * *

Конан, не торопясь, собрался и поехал в направлении, указанном Тилли. Среди пологих гор, среди которых располагалось небольшое озеро, одна возносила вверх кручами скал, на которых не могли вырасти ни трава, ни деревья. У подножия этой горы, недалеко от линии воды виднелось темное пятно пещеры с нависающим каменным монолитом. Берега озера были покрыты россыпями камней, поэтому ехать пришлось осторожно. Подъезжая к пещере, Конан вдруг понял, что как-то незаметно оказался в совершенно безмолвной зоне — ни птичий свист, ни шуршание ящериц в траве, ни шелест стрекозиных крыл не оживляли мрачную ауру этого места. Насторожившись, Конан спешился, привязал коня к стволу молодой сосны и бесшумно подошел к пещере. Перед пещерой лежали в ряд останки восьми человек. Тела высоки, одежда истлела и развалилась, но остатки обуви и ремней еще были различимы. Конан задумался. Тела не были объедены зверями, значит не неведомое чудовище убило их. Тела сложены одно рядом с другим, значит, кто-то побывал в пещере после смерти этих людей. Он вынес тела, но не озабочился погребением, значит, он хотел отпугнуть от пещеры других искателей сокровищ. Рядом с телами нет инструментов, с которыми они должны были сюда прийти, нет ни колец, ни цепочек, ни браслетов, ни кошельков. Кто-то все это должен был собрать. Из пещеры не доносится ни звуков, ни запахов. Смутное ощущение опасности, запах старой смерти, но это не горячий запах засады и не запах жизни, отгородившейся от мира барьером смерти.

Конан отошел от пещеры, пройдя по лесу, нашел то, что искал — кусок трухлявого дерева. Выломал несколько крупных кусков, вернулся к пещере, высек кремнем искру на

гнилушку, раздул огонек и осторожно двинулся вглубь пещеры. По мере того, как он уходил от выхода и слабел дневной свет, глаза постепенно привыкали к темноте, и небольшой толики света от тлеющей гнилушки хватало, чтобы ориентироваться в темноте. Пещера оказалось не очень разветвленной, Конан запоминал все развилки, выбирая каждый раз левый коридор с тем, чтобы правая рука с мечом не была стеснена в движениях. Пока пещера ничем не отличалась от многих других, где Конану приходилось бывать. Коридор вдруг пошел под уклон, а вскоре сорвался вниз на половину роста Конана, и он оказался в довольно большом подземном зале. Конан постарался запомнить выход своего коридора и обнаружил, что это нетрудно – на каменных стенах были явно нанесены опознавательные знаки его предшественников – следы копоти от факелов и глубокие выбоины, сделанные каким-то тяжелым инструментом. Подземный зал беспорядочно был перекрыт сталактитами и сталагмитами, часть которых была выломана и расколота. В общем, следов искателей сокровищ хватало с избытком, но самих сокровищ не наблюдалось. И вдруг, обходя зал сталактитов по периметру, Конан увидел странную картину – в провале каменной стены, как в нише, лежали десятки человеческих черепов. Края ниши были образованы каменными монолитами, поверхность которых представляла собой наплывы расплавленной каменной массы. Такого Конану видеть еще не приходилось. Его взгляд привлекла куча каких-то вещей рядом с нишей, он посмотрел поближе и поразился – это были инструменты и оружие, но все обгорелые, оплавленные, искореженные. Все мало-мальски ценное было превращено в ненужный шлам. Все было ясно – сокровищ здесь искать больше нет никакого смысла. Конан совсем уж было решил возвращаться, но тут перед ним раздался низкий скрипучий голос:

– Что ты хотел найти здесь, человек?

Конан осторожно помахал своей гнилушкой, чтобы движение воздуха заставило ее разгореться посильнее, и увидел перед собой гнома. Глаза в обрамлении бороды и нечесаных волос располагались на уровне пояса Конана.

Слова были сказаны на языке Заморы, нечетко, но понятно.

– Ты кто, гном? – спросил Конан.

– Мне все равно, как ты будешь меня называть.

– А я предпочитаю называть собеседника тем именем, которое он сам считает своим.

Мое имя – Конан. Конан из Киммерии.

– Это пустой разговор, человек. Мертвым не нужны имена. А ты скоро будешь мертв.

– Ты мне угрожаешь? Мне многие угрожали, и как ты думаешь, где они теперь? Ты не думаешь, что я могу разрубить тебя одним ударом?

– А ты не думаешь, что я могу опустить скальный массив над твоей головой?

– Хорошо, почтенный гном, давай не будем пугать друг друга пустыми угрозами. Ведь нам нечего делить. Я не причинил никакого вреда подземным жителям и сейчас уйду из вашей пещеры.

– Это вряд ли.

– Отчего же? – спросил Конан, стискивая рукоять меча и напряженно прислушиваясь, не прозвучит ли во тьме какой-нибудь подозрительный звук. Зачем вам убивать меня?

– Никто не собирается убивать тебя. Но людям не следует посещать эту пещеру. Кто виноват, что не проходит и нескольких десятилетий, как кто-нибудь снова и снова лезет сюда искать проклятое золото?

– Но я вернусь и расскажу, что золота в пещере нет.

– Даже если бы ты вернулся, сюда полезли бы все новые искатели золота. Но ты не

вернешься. И это уже зависит не от нас.

Конан услышал у себя за спиной приближающийся шорох чьих-то шагов и закончил разговор с гномом ударом меча. Меч лязгнул по камню, и гном резво кинулся бежать, выкрикивая:

— Золото! Сейчас ты увидишь золото!

Конан не очень-то поверил этим крикам и собирался всего лишь как можно быстрее выбраться из пещеры, но то ли гномы открыли новые коридоры, то ли переместили приметные знаки, но всю дорогу перед Конаном топотал его подземный собеседник, а дорога вдруг стала явно не той, которая вела к выходу.

Внезапно перед Конаном возникла бездонная расселина, которую гном перепрыгнул и скрылся на той стороне.

Конан прислушался. За ним никто не гнался и не крался. Он осмотрелся повнимательнее — расселина была глубока, но не широка. Конан прыгнул, оказавшись на той стороне, быстро восстановил равновесие, прошел по узкой каменной полке несколько шагов и вошел в малый зал. Здесь было ощутимо теплее, чем во всех остальных местах пещеры. Гном пропал. Глухая стена делала зал тупиковым, другого выхода не было, но не это в первую очередь обратило на себя внимание Конана.

Две мощные колонны, выступающие из стены, образовывали обрамление каменного алтаря. Алтарь какого бога? Конан не смог бы дать ответ на этот вопрос, но впечатление было вполне очевидным — гладкая каменная плита в основании алтаря имела слишком правильную форму. Высота ее была чуть меньше, чем рост гнома. Конану сильно не понравился алтарь и все это место, но одно обстоятельство удержало его от того, чтобы немедленно возвращаться — на алтаре лежал толстый золотой диск. Отсвет золота Конан определял безошибочно. Диск был покрыт неведомыми письменами, а в центре изображен двойной оскал какого-то монстра. Конан ухватился за диск и с трудом смог его приподнять. Раздалось злобное шипение и какой-то глубинный вздох, идущий неведомо откуда. В этом вздохе слышалось неимоверное облегчение, но следом пришло ощущение опасности.

Конан отпустил диск. Нечего было даже думать о том, чтобы унести такую тяжесть. Поднять он его бы еще мог, но прыгать с ним через расселину было бы немыслимо. Чуть позже Конан осознал, что диск просто невозможно снять с алтаря — наплывы камня с колонн не дали бы возможности сделать это, для этого надо было еще поработать кувалдой....

Ощущение опасности нарастало. Ни звука дыхания подкрадывающегося врага, ни движения воздуха от заносимого для удара оружия, но ощущение опасности стало прямо-таки нестерпимым. Конан развернулся, вернулся к выходу, убрал меч в ножны, запалил от остатков гнилушки второй кусок, перебросил его через расселину и прыгнул. Полка располагалась ниже, чем выход коридора, по которому Конан пришел сюда, поэтому он ухватился руками за край расселины, легко подтянулся и вылез наверх.

— Человек! — раздался позади полный ненависти крик гнома. — Ты проклят!

Гном в ярости замахал руками, и стена рядом с ним раскололась, как арбуз, огромный кусок стены рухнул вниз, унося с собой каменную полку, которая вела к залу с алтарем.

— Ты пожалеешь о том, что уходишь сейчас живым, человек! Ты уносишь на себе проклятие! Безмозглое ничтожество!

Как Конан выбрался из пещеры, он и сам не смог бы объяснить. Он шел по каменным коридорам, дважды над ним проседала порода, но он успевал ускользнуть от падающих каменных пластов. Наконец он увидел на стенах знакомые приметы, которые запоминал в

начале пути, и вскоре увидел впереди свет – выход был уже близко. Он вышел из пещеры на подкашивающихся ногах, к горлу подступала тошнота. Конану не раз приходилось выбираться из опасных ситуаций со сверхчеловеческим напряжением всех своих сил, но сейчас ничего такого не было! Поход в пещеру был не тяжел и не труден. Он мог вынести гораздо большие нагрузки, так отчего же он чуть не валится с ног? Ярость придала Конану сил, он добрался до своего коня и вскоре ехал прочь от проклятой пещеры.

Он вернулся к тому месту, где они с Тилли обедали, и остановился на привал – солнце уже садилось, а ехать по лесу в темноте Конан не видел никакой необходимости. Он расседлал и стреножил коня, пустил его пастись, собрал дров и развел костер. Есть ему не хотелось, слегка кружилась голова и мутило. Конан посидел у огня, потом положил в угли пару кусков древесного ствола, чтобы они потихоньку горели до утра, лег спать.

Проснулся он, когда только начало светать. Костер прогорел, но под пеплом оставались еще горячие угли. Конан подбросил веток и оживил костер, достал из мешка припасенные продукты и с удовольствием поел. Потом пошел искать коня. Конь валялся в нескольких шагах в стороне. Мертвый. Конан настороженно огляделся. Вокруг не было ничего подозрительного. Ни следов зверей, ничего. Если кто-то ночью убил коня, то как Конан мог его не услышать? Укус змеи? Ядовитая трава? Конан осмотрел землю вокруг. На траве видны были следы коня, местами трава была сильно сбита, примята – похоже, что животное билось в агонии. Но как Конан мог ничего не услышать?

Ответа не было, но Конан не привык забивать себе голову второстепенными вопросами. А первостепенным было то, что оставаться здесь ему не было никакого смысла. Раз нет коня, значит, надо идти пешком. Конан собрал вещи, напился напоследок из родника, залил остатки костра и двинулся вперед.

Путь через горы пешком вместо полудня верхом занял почти целый день. Никаких приключений, кроме обыкновенной усталости и навязчивого желания ночевать не под открытым небом, а под какой-нибудь крышей. День клонился к вечеру, когда Конан, перейдя Карпашские горы, подошел к поселению. Не деревня даже, скорее сильно разросшийся хутор. Две собаки, выбежав навстречу незваному гостю, принялись яростно облавливать Конана. Он отогнал собак ножнами меча, демонстрируя при этом, что не нападает, а только защищается. Вышел молодой мужчина, отогнал собак, спросил:

– Чего надо?

– Меня зовут Конан. Сейчас я иду из Заморы. Можно мне у вас переночевать? У меня есть чем заплатить. И еще я хотел бы купить лошадь. Найдется у вас лошадь на продажу?

– Хозяин завтра будет, если дождешься, можешь переговорить с ним про лошадь. Найдется, наверное. На ночлег пустим. Погони за тобой нет?

– Да нет, а почему должна быть погоня?

– Да выглядишь ты странно, Конан из Киммерии. Не охотник, не старатель, не купец, не телохранитель. Если ты по ночам железом деньги зарабатываешь, то может быть и погоня за таким мастером. Нет?

– Ну, в Шадизаре я бы предпочел не появляться в ближайшее время. Но здесь у меня врагов нет.

– Ну ладно, пойдем.

Конан с удовольствием поужинал горячей пищей. К его сожалению, вина или пива ему получить не удалось. Старые запасы выпиты, сказали ему, а новых еще не сделали. По летнему времени место для ночлега гостю определили не в доме, а в одной из пристроек.

Пробуждение снова оказалось ненормальным. Всегда Конан просыпался при малейшей опасности, застать его врасплох никому не удавалось. А тут он проснулся оттого, что один из обитателей хутора выволок его за шиворот на двор. И ткнул кулаком в зубы:

— Тварь проклятая, поджигатель!

Он замахнулся снова, но Конан уже проснулся. Он перехватил руку противника, сгреб его в охапку и швырнул его об стену. Хутор горел сразу со всех сторон. Выскакивали из горящего жилого дома бабы с детьми, суетились возле горящего хлева мужики, выводя лошадей и коров, сараи и амбары горели тоже, но так, что спасать там было уже нечего. Конан бросился в пристройку, где ночевал, и выскочил назад со своим мечом и вещами. Пока он соображал, может ли чем-то помочь хуторянам, разбудивший Конана мужик снова набросился на него, теперь уже с топором в руках. На помощь ему спешили еще двое — один с вилами, другой с топором.

Конану часто приходилось биться ради спасения своей жизни, но такой нелепой ситуации у него еще не было. Он не чувствовал себя в чем-то виноватым, он не испытывал к этим людям никаких враждебных чувств, они были ему даже не опасны — бойцы они были никакие, их размашистые прямолинейные удары он легко отбивал или уклонялся, но они-то атаковали его всерьез. Они не намеревались его схватить или прогнать, они хотели его убить. При этом они перекрывали ему дорогу, пытаясь прижать его к горящему дому. Вот Конан срубил древко вил и тут же топор одного из нападающих вскользь прошел по его плечу.

— Кром!.. — взъярился наконец Конан.

Раз они вынудили его биться всерьез, то пусть получат битву. Они даже не поняли, что до сих пор он только отражал их удары — Конан зарубил двоих, оглушил третьего и бросился к воротам. Ворота были уже открыты — один из мужиков выводил лошадей. Он бросился было на Конан с колом в руках. Принимать мечом удар толстой жерди Конан не захотел и рубанул мечом на опережение. Выбежав за ворота, Конан ухватил лошадь, вскочил на нее и поскакал. Лошадь, напуганная огнем, была без удил и седла, но Конан стиснул ногами бока лошади так, что животное вынуждено было признать власть человека и покориться.

Конан ехал по лесной дороге и размышлял. Мешок с вещами ему пришлось бросить в схватке, уцелел только меч. Остались деньги, полученные от Хорнеши, а вот ехать на лошади без упряжи — это все равно что громко кричать: «Я конокрад!»

Оставить лошадь в лесу и купить упряжь в ближайшем селении? Опять же никто не покупает упряжь, не имея лошади. Похоже, придется убираться из Коринфии без задержек. Но что же за странные события стали с ним происходить? Конана не пугали никакие опасности, но он привык встречать их лицом к лицу, а не вливать в какие-то бессмысленные процессы. Неужели гномье проклятие все-таки начало сбываться? Тут ведь бесполезны все выдающиеся боевые навыки киммерийца...

Тем временем стало светать. Лес кончился, и перед Конаном открылась широкая равнина. Река, текущая по ней, делала пару поворотов, и в ближайшей излучине был виден небольшой городок.

В стороне от него Конан увидел табун лошадей в полсотни голов. Табун гнали двое пастухов, направляясь куда-то в сторону от города. Конан толкнул лошадь пятками и двинулся к городу. Город был поставлен на переправе. Река хоть и невелика, а вброд не перейдешь. То есть при нужде можно переплыть, но не все же время лето. Да и с грузом переправляться несподручно. Возле города река была поуже, и здесь была устроена паромная переправа. А рядом виднелись опоры строящегося моста.

Городок был так себе – сотни две домов, но огорожен деревянным частоколом, а в воротах дежурят непременные два стражника. Конан заплатил за вход медную монету, спросил, как пройти к постоялому двору.

– А прямо по улице, – ответил стражник, принявший монету. – Мимо не проедешь. А чего это у тебя лошадь без упряжи? Или варварам гордость не позволяет пользоваться чужеземными придумками?

– Да я эту лошадь только вчера вечером купил. А упряжи у пастухов лишней не было. Сегодня куплю.

По дороге к постоялому двору Конан нашел мастерскую ювелира и купил упряжь для лошади, так что в таверне он появился, как путник, не вызывающий никаких сомнений в своей добропорядочности. Оставив лошадь в конюшне и перекусив, Конан отправился пройтись по городу. Город был мастеровой. Здесь не было ювелирных лавок, не торговали шелком и благовониями, пряностями и слоновой костью. Торговля шла в основном простыми ремесленными изделиями – тем, что необходимо для жизни, а не предметами роскоши. Город вполне процветал, но горожане еще не накопили таких богатств, чтобы можно было надеяться найти в сундуках что-то достаточно дорогое и компактное. Конан купил себе новый походный мешок, разных мелочей в дорогу, пару метательных ножей и кинжал, недорогие, но достаточно хорошей работы. Поговорив с местными жителями, решил двинуться на запад, в огирский город Ианту.

К вечеру Конан вернулся на постоялый двор, унес мешок с покупками в нанятую на ночь комнату и отправился ужинать. Насытившись и выпив пару кружек пива, Конан решил переговорить с хозяином:

– А что, знахари у вас в округе есть? Настоящие, не костоправы и не цирюльники?

– Хм… А что, господин Конан, болезнь какая донимает? Есть, конечно, которые зубную боль заговаривают или травами лечат. Или еще что надо?

– Пожалуй, меня интересует такой знахарь, который умеет зелья варить… Отворотные, приворотные, заклятья снимать и тому подобное.

– Хм… Да, вроде у нас сейчас и не найти таких. Впрочем, вот у нас сейчас проездом остановился маг Косталис. Личность в Коринфии известная, можно сказать, знаменитая. Его услуги, правда, обойдутся недешево, но если кто и может помочь с наложением и снятием заклятий, так это точно он.

– Маг… Не люблю я магов. Пожалуй, не настолько меня еще припекло, чтобы я стал обращаться за помощью к какому-то магу…

Конан взял еще кружку пива и вернулся за свой стол. Когда он допил пиво и уже собирался уходить спать, к нему подсел какой-то человек. Худощавый, средних лет, одет богато и вычурно… Конан понял, что это тот самый маг, прежде чем тот заговорил.

– Я маг Косталис, – сказал он. – А твое имя, как мне сказали – Конан?

– Конан. Конан из Киммерии. А тебе не сказали, что я не люблю магов? Сколько я ни встречал в своей жизни магов, всегда они оказывались либо просто безмозглыми идиотами, либо слишком умными идиотами с переклиненными на магию мозгами. И ни разу еще их магия не помогла им против моего меча!

– Я готов согласиться с твоим мнением о магах применительно ко многим из них, – рассмеялся Косталис, – Но если ты думаешь, что все маги бывают только такие, то ты глубоко заблуждаешься. Ты не преувеличиваешь число своих побед над магами? При всем моем уважении к твоим воинским умениям, ты мог справиться с хорошим магом только в

том случае, если этот маг не ожидал твоего удара.

– Я не убивал своих врагов из-за угла и в спину, если ты это имеешь в виду...

– Тогда ты очень везучий человек, варвар. Вот смотри, ты ведь можешь, к примеру, разрубить меня мечом пополам, прежде чем я смогу вообще что-то сделать?

– Конечно!

– И я в этом не сомневаюсь! Так не усомнишь же и ты, что я точно так же могу тебя обездвижить прежде, чем ты сумеешь схватиться за меч. Согласен?

– Вот за это я и не люблю магов, – проворчал Конан, – Вместо честного поединка тебя вляпывают в какое-нибудь магическое дерьмо...

– Честного поединка? – безмерно изумился маг. – Ты бредишь что ли, варвар? Если твой противник слабее тебя и вступает с тобой в поединок, потому что не может отказаться, это что – честно? Ты сам-то понимаешь, что твое понятие «честно» просто выгодно тебе?!

– Ты хочешь меня обидеть, Косталис? Мне приходилось биться с равными по силе противниками. Мне приходилось биться с превосходящим противником. Кром! Мне приходилось биться вполне в безнадежных ситуациях! И своей собственной силой и ловкостью переламывать эти ситуации в свою пользу! И если когда-нибудь я буду побежден в честной схватке более сильным противником, я не буду сдать ему предсмертное проклятие, я с радостью пойду на встречу с Кромом – и он встретит меня в числе не последних его сыновей! А магические штучки – дерьмо...

– Кстати о проклятиях, Конан...

– Что?..

– Ты интересовался специалистами, которые могут снимать проклятия.

– Если ты это слышал, то должен был слышать, что я пока не собираюсь обращаться за помощью к магам.

– А напрасно... Я ведь не из праздного любопытства к тебе подсел. Мой амулет показывает, что на тебя наложено исключительно сильное заклятье. Я пока не могу определить, в чем оно заключается, но я его чувствую. А ты, видимо, получил его недавно и только начинаешь чувствовать его воздействие. Если бы ты его не чувствовал, то не искал бы того, кто может снимать проклятия. А если бы носил его давно, то сполна вкусили бы последствий этого заклятья и не отвергал бы моей помощи.

– Скажи еще, что ты готов предложить мне безвозмездную помощь.

– А ты поверишь?

– Нет, конечно.

– Но во взаимовыгодное сотрудничество ты можешь поверить? На самом деле, я не могу сказать, что вот прямо сейчас я знаю, как снять с тебя заклятье. Я с таким дела еще не имел. Так что мне просто интересно поработать с тобой. Может быть, я смогу использовать это заклятие в своих целях. А тебе это просто необходимо. Потом ты будешь жалеть, что отказывался. Умолять будешь!

– Чем же я буду расплачиваться с тобой?

– Ну, если у тебя есть сотня золотых, то этого будет достаточно. Если нет, отработаешь. Впрочем, если мои предположения сбудутся, я достаточно получу для усиления своей магии, чтобы взыскивать с тебя непомерную плату. К тому же нет необходимости решать это прямо сейчас. Встретимся здесь утром?

– Ладно.

Конан ушел спать, размышляя о том, насколько можно доверять магу. С одной стороны,

магам верить нельзя. Никаким и никогда. С другой стороны, если будут продолжаться такие события, как прошлой ночью, то деваться-то будет некуда. Вряд ли кто из деревенских захарей сможет снять проклятие гнома. Лучше мага здесь и в самом деле никто не справится.

Утром Конан проснулся с некоторым облегчением – вокруг ничего не горело, никто не ломился в комнату. Он поднялся и вдруг с недоумением посмотрел на свои руки. Руки были обильно замазаны засохшей кровью. Конан осмотрел себя – каких-либо ран или ссадин на нем не было, похоже, что кровь была не его. Но откуда она взялась? Спать ложился без крови, ночью никуда не выходил. Откуда кровь?..

Не найдя никакого ответа на этот вопрос, Конан взял кувшин с остатками воды, намочил одеяло и вытер руки. Потом собрал свои вещи, проверил меч, подвесил к поясу купленный вчера кинжал, приспособил в рукаве метательные ножи и пошел на выход. С хозяином постоянного двора Конан расплатился еще вечером, поэтому он направился сразу к конюшне, чтобы подготовить свою лошадь к дороге. Но во дворе Конана сразу остановили. Во дворе толклись десяток стражников, несколько человек горожан и постояльцев. Офицер стражи остановил Конана:

– Как спалось, господин Конан?

– Хорошо. А с чего это вас интересует мой сон?

– Да с того, что сегодняшней ночью почитай весь город проснулся от истошных криков людей, принявших лютую смерть. Так что хорошим сном этой ночью ни один человек в городе похвастаться не мог. А на лице у тебя – кровь. Стоять!

Офицер отскочил в сторону, а стражники дружно нацелили на Конана заранее подготовленные луки. При том, что обычно в городе стражники луков не носили...

– Положи меч на землю! – приказал офицер. Краем глаза Конан увидел, что с боков тоже наготове стоят лучники. Бросаться на прорыв было немыслимо, и все же Конан колебался. Потом все же положил меч на землю.

– Руки назад! – приказал офицер.

– Не могу, – с удивлением ответил Конан. Он и в самом деле не мог двинуть ни рукой, ни ногой.

– Я держу его, – раздался сзади голос мага. Конан почувствовал, как что-то прикоснулось к его шее, и на ней сомкнулся холодный ошейник.

– Я заберу его с собой, – сказал маг.

– Ваши полномочия достаточно велики, господин Косталис, – возразил офицер, – но данный случай в них не предусмотрен. Зверское убийство пяти человек – это не тот случай, когда я мог бы отдать вам виновника, взятого практически с поличным. Меня не интересуют ваши магические заморочки, а вот казнить его я просто обязан. И я сделаю это, невзирая на ваши немереные полномочия.

– Я ценю ваше служебное рвение, – ответил маг, – и если бы дело касалось обычного преступника, я бы и не подумал препятствовать правосудию. Но дело в том, что этот человек одержим демоном. Вспомните события этой ночи! Разве такое возможно было совершить обыкновенному человеку? И в данном случае казнь человека ничего не даст – освобожденный демон может поселиться в вашем городе в бесстесном облике. Это вам надо? К кому вы потом прибежите за помощью? А??!

Офицер мучительно задумался, потом нехотя согласился:

– Хорошо, забирайте его. Но я отправлю донесение об этом случае.

— Это сколько угодно. Я не стану возражать даже против сопровождения, как для охраны пленника, так и для того чтобы они потом доложили об успешности конвоирования. Четырех стражников, я думаю, будет достаточно. Конных, конечно. А сейчас, будьте любезны, отгоните любопытствующих.

По приказу офицера стражники разогнали народ и выстроились за воротами, чтобы проводить мага с захваченным варваром к воротам города.

— Ты можешь мне не поверить, — обратился Косталис к Конану, — но я не испытываю никакого торжества или злорадства от того, что я оказался прав и ты примешь мою помощь по своей воле или против нее. Сейчас я сниму с тебя заклятье обездвиживания, и ты отправишься вместе со мной в мою башню. Там я смогу провести ритуал изгнания демона. Твое желание теперь уже не играет никакой роли. Даже если бы ты предпочел сгореть на костре как оборотень-убийца, меня такой расклад не устраивает. И не из-за моих переклиниенных магией мозгов, не из-за извращенных планов, не из наивного стремления показать тебе свое могущество. Просто иначе твой демон будет резвиться по окрестностям, и мне так или иначе придется заниматься этой проблемой — высаживать, ловить, связывать убивать... Ты понимаешь меня?

Под присмотром офицера один из слуг мага обыскал Конана и сложил у его ног все его оружие. Посмотрев на содержимое кошелька, маг приказал положить его в мешок Конана вместе с кинжалом и ножами.

— Я не прощу тебе этот ошейник, — сказал Конан, получив возможность двигаться. — Я поеду с тобой, не сопротивляясь, но ошейник — не прошу.

— Ну вот, начинается, — вздохнул маг, — ты мне еще отомстить пообещай. Ну неужели голова варвара служит только для трансформации эмоций в неразумные поступки? Подумать ты никак не в состоянии? Ошейник даст мне возможность контролировать тебя, но почему ты думаешь, что я хочу получить этот контроль для своего собственного удовольствия? Ты вообще представляешь, что произошло сегодня ночью?

— Я спал.

— Конечно. Так слушай — среди ночи в городе раздался жуткий крик. Визг смертельно перепуганного человека. Крик продолжался достаточно долго, чтобы стражники подоспели на крик. Горожанин на тот момент кричать перестал, потому что уже захлебывался кровью из порванного горла. Стражники увидели человека, описание которого совпадает с твоим силуэтом. Но при этом от человека исходили волны нестерпимого ужаса. Народ, повыскакивавший было из домов на крик того бедняги, кто разбежался, кто на месте обделался, кто в обморок упал. Кое-кто, говорят, сегодня проснулся не в своем уме. Двое все же превозмогли ужас и попытались напасть на этого монстра. Смелые были мужики. И оружие в руках держать умели. Чудовище убило их так же, как и первую свою жертву, — голыми руками. Потом сбежало, убив по дороге еще двоих. Так это был ты! Вернее, демон, который живет сейчас в твоей душе.

— Косталис, мне приходилось встречаться с демонами, которых вызывали маги. Это были монстры во плоти. Они были сильны и опасны, но уязвимы для меча или огня. Как такой демон может жить в моей душе?

— Есть разные виды демонов, — пожал плечами Косталис, — Для того, чтобы делать что-то в нашем мире, демон должен либо воплотиться в материальное тело, либо подчинить себе тело живущего. Я не говорю, что твой случай — обычный... Ну что, поехали? До моей башни мы должны добраться за три дня.

Они выехали из города – маг с Конаном, четверо слуг мага и четверо стражников в полном вооружении. Ехали быстро, останавливаясь для отдыха по мере необходимости.

– Так когда ты заполучил свое проклятье? – начал расспрашивать Конана маг на первом же привале. – Мне может помочь любая информация о твоем демоне.

Конан поразмыслил над тем, стоит ли рассказывать магу всю правду, и решил, что скрывать ему нечего и незачем. Выслушав всю историю, маг задумался, потом начал задавать уточняющие вопросы, но Конан при всем желании не мог больше ничего сказать. Потом уже Конан понял, что некоторые вопросы были попыткой выявить ложь в его рассказе.

– Ну что же, – подвел итог Косталис, – по всей видимости, демон был лишен материального тела и прикован к своей пещере. То есть он мог при определенных условиях действовать в окрестностях, забирая для поддержания своих сил жизни случайных жертв. А когда ты сдвинул золотую печать, он вырвался на свободу и проник в твою душу. Видимо, он довольно ослаб в своем заточении, но с тобой он довольно быстро восстановит свои силы, выжмет твою душу и завладеет твоим телом полностью, а не только во сне, как сейчас. А знаки на печати не запомнил?

Конан подумал и нарисовал на земле несколько значков, которые запомнил в пещере.

– Лемурейские письмена… И это все? – оживился маг.

– Нет, конечно. Там много чего было, но я не знаю этих символов.

– А такие были?

Маг изобразил полтора десятка символов. Некоторые из них Конан узнал, так что маг остался в целом доволен.

На ночлег остановились в небольшой рощице. Маг не пожелал рисковать и ночевать в каком-нибудь селении, которые попадались им по пути. Поужинали, маг потихоньку распорядился о чем-то своим людям и завалился спать. Конан сидел у костра и размышлял.

Он потихоньку попробовал на прочность ненавистный ошейник – тот был из тонкого металла, но под стальными пальцами киммерийца только слегка прогибался, сломать его Конан не мог. Ошейник был не тяжел, но унизителен. И мало ли что мог потом сделать с ним этот маг? Нет среди магов порядочных людей, не было и не будет!

Конан огляделся по сторонам. Двое стражников постоянно следят за ним – это пустяк. Можно было бы броситься на прорыв, он уходил и от более плотной охраны, но зачем? Нет, от демона надо избавляться, а там будет видно.

Конан улегся спать. Проснулся утром и увидел возле горящего костерка сидящего мага. Никого из охраны рядом не было.

– Как спалось? – поинтересовался Косталис.

– Хорошо… М-м… Шея болит под твоим ошейником.

– Под твоим ошейником! – внезапно озлился мат. – Твой демон снова пытался проявить себя, и я всю ночь не спал, но сдержал его. Правильно я оценил, что демон пока еще слаб. И нельзя дать ему возможность усилиться. Но спать тебе, варвар, больше не придется. Придется тебе две ночи потерпеть, выдержишь. Буду тебе на ночь давать самых болтливых караульщиков, днем можешь подремать, но спать тебе не дадим.

Маг очень торопился, и отряд двигался очень быстро. К башне добрались к середине второго дня. Башня располагалась в живописной долине у подножия гор. Величественность ее несколько нарушалась какими-то огородами возле нее, ярко зеленевшими на фоне пожухлой травы вокруг, и загоном для скота. Сложена была она из дикого камня, грубо обработанного каменотесами. Камни были положены на раствор, ворота окованы толстыми

железными полосами. Ворота были заблаговременно открыты, и двое слуг встречали хозяина.

Маг тут же заявил сопровождавшим их стражникам, что они выполнили свою миссию и могут проваливать восвояси. Один из стражников понаглее попытался намекнуть магу, что им, стражникам, за непомерные труды и опасности путешествия надлежит получить соответствующее величию мага вознаграждение. На это Косталис предложил наградить их почетной службой в подвалах своей башни. Врожденная скромность не позволила стражникам принять столь щедрое предложение, и они ускакали, не дожидаясь других предложений ехидного мага. Они были правы – нотка раздражения в голосе мага сулила лишь приступ еще более мрачного юмора.

– Наглецы, – шипел рассерженный маг, – денег им нужно!

– Какие глупости, не бери в голову! – рассмеялся Конан. – Ты им не командир, так что они ведут себя вполне нормально для солдат.

Избавившись от посторонних, маг велел слугам накрепко запереть вход и готовить лабораторию. Конан, которого провели в одно из жилых помещений и оставили без присмотра, задремал. Часа через два один из слуг растормошил Конана и провел его в лабораторию. Там Косталис что-то пил из большой кружки. Увидев Конана, протянул кружку ему:

– На, выпей, взбодрись.

Конан с сомнением посмотрел в кружку – она была наполовину пуста.

– Сними с меня ошейник, – сказал он как можно миролюбивее, – я приехал с тобой добровольно и намерен закончить изгнание демона. Я заплачу потом назначенную тобой цену, клянусь Кромом. Но ошейник – сними.

– Ладно, – сказал Косталис. – Стой смирно.

Он подошел к Конану сзади и разомкнул ошейник. Однако по его знаку слуга у дверей достал заряженный арбалет.

– Выпей же, – сказал маг.

– А это совершенно необходимо?

– Да провались ты! Можешь не пить, это всего лишь отвар, придающий сил и прогоняющий сон!

– Тогда я обойдусь.

– Вот я тебе показываю, что доверяю тебе, а ты меня подозреваешь! Может, тебя обездвижить и провести изгнание без твоей помощи?

– Не надо, – сказал Конан, демонстрируя послушание, – я готов подчиняться.

– Тогда уйми свою гордыню и просто делай, что тебе говорят!

По знаку мага, один из слуг принес меч Конана и протянул ему:

– Возьми, – сказал Косталис, – я наложил на него заклятье против демонов. И, чтобы ты знал, заклятье ненанесения вреда лично мне. На тот случай, если ты вздумаешь в очередной раз выйти победителем из поединка с магом... Понятно?

– Понятно, – ответил Конан, с сомнением осматривая свой меч.

– Тогда смотри сюда, – маг показал Конану на пентаграмму из кованых железных полос, покрытых цепочками рун. – Я изгоню из тебя демона. Но изгнание – дело легкое, я мог бы сделать это в любой момент. Мне надо заключить демона в материальную оболочку, из которой он не мог бы вырваться.

– А я потом его зачарованным мечом! – радостно догадался Конан.

– Еще один приступ самодеятельности и будешь принимать участие в изгнании демона в обездвиженном состоянии, – сухо сообщил маг. – Делай только то, что я скажу!

– Ладно, – вздохнул Конан.

Косталис подозрительно посмотрел на Конана, отослал слуг, оставив только арбалетчика у выхода, потом отошел в сторону и достал из деревянного ларца фигурку длиннорукого длинноногого человечка ростом чуть больше локтя. Он положил фигуру в центр железной пентаграммы и сказал:

– Изгнанный демон должен воплотиться в этого голема. Ты будешь находиться здесь, – он показал Конану вторую пентаграмму, образованную пятью черными свечами. – Если все пройдет чисто, то ты вообще не должен делать ничего. Но если что-то пойдет не так, ты должен быть готов делать, что я скажу. Понял?

– Понял.

– Настойки точно не хочешь выпить?

– Нет.

– Тогда начинаем! Становись в пентаграмму.

Конан встал в пентаграмму, маг зажег свечи, отошел к столу, на котором была подготовлена жаровня с горящими углями, подсыпал еще угля, надел на шею золотой амулет, придинул коробки и горшочки с какими-то магическими компонентами и начал произносить заклинание. Несколько минут ничего не происходило, маг добавлял в огонь разные порошки, по лаборатории распространились густые ароматы неведомых веществ, потом маг возвысил голос и закончил заклинание. Слов Конан не понимал, но, по интонациям заклинание завершилось приказом, а через несколько слов – вторым. С окончанием заклинания раздался идущий ниоткуда стон, полный муки и освобождения – с теми же интонациями, которые Конан слышал в пещере, поднимая золотую печать. Вокруг Конана сплелись два вихря еле заметных искорок – красных и черных. Сначала они были переплетены друг с другом, потом постепенно разделились, красный вихрь втянулся в фигуру голема, а черный начал сгущаться в висящую в воздухе оскаленную пасть. Голем в пентаграмме зашевелился, поднялся на ноги и открыл сияющие крохотными искрами глаза. Маг спешно передвинул коробки со своими порошками и начал читать новое заклинание. А собравшаяся в воздухе пасть издала наполненный лютой злобой и ненавистью вой и двинулась к магу. Арбалетная стрела прошла сквозь черного демона, не замедлив своего движения, и ударила в стену. Конан мельком взглянул на стрелявшего, но его уже не было в лаборатории, только разряженный арбалет валялся у дверей.

Стрела не причинила черному демону особого вреда, но была ему явно неприятна, он на миг замедлил продвижение и прервал свой ужасный вой.

– Руби его, Конан, – заорал маг, прервав свое заклинание.

Конан прыгнул вперед и несколькими взмахами меча разрубил демона на части. То есть клинок прошел сквозь него, как сквозь медузу – почти не встречая сопротивления. Демон прервал свое движение, черты его исказились, но он быстро восстанавливал форму.

– Не подпускай его ко мне! – снова закричал маг, – Дай мне закончить с другим!

Красный демон тем временем освоился в новом теле, обследовал пентаграмму, из которой выбраться он не мог, вытянул губы и выдувал на железную пластину пентаграммы огонь. Пластина уже раскалилась до ярко-красного цвета.

– О, Нергал! – шипел маг, перебирая свои амулеты. – Это был не один ослабленный демон, это были два демона, которые боролись друг с другом за твое тело! Вот!

Он нашел то, что искал, произнес заклинание, и пентаграмма покрылась льдом. Голем злобно зашипел и принял выдувать огонь с удвоенным усердием. Разрубленный черный демон снова сконцентрировался и завыл на Конана. Конан рубанул его мечом, но неожиданно для себя промахнулся, будто что-то отклонило его клинок.

Демон взвыл так, что Конана просто снесло с ног. Если первые удары Конана легко достали демона, то теперь он приспособился успешно отражать киммерийца. Но и Конан почувствовал, что легко с демоном не справиться. Теперь он полностью собрался и двигался с невероятной для обыкновенного человека быстротой, окружая демона сеткой обманных ударов, не давая тому сконцентрироваться и отвести настоящий удар в сторону.

Он дважды доставал демона клинком, и бой застыл в некотором равновесии. Никакой удар меча не был критичен для демона, но достигающие цели удары не давали ему возможности сконцентрироваться. В свою очередь, и демон не мог одолеть варвара, до тех пор, пока тот не выдохнется и не снизит темп своих ударов. Конан почувствовал, что устает, взъярился еще больше и сделал невозможное – увеличил темп ударов еще больше и снова смог располосовать черного Демона несколькими ударами.

– Долго еще? – заорал он магу.

– Не получается! – крикнул тот в ответ. – Я не могу взять его под контроль! А с черным справишься?

– Да!

– Тогда прикончи его, я держу голема!

Конан рубанул черного демона напоследок еще два раза, отскочил назад, развернулся и достал мечом голема. Удар по морде сбил голема с его позиции, где он уже наполовину прожег стальную полосу пентаграммы.

– Не убивай его, – крикнул маг и обратил свое внимание на черного демона.

Тот как раз заканчивал концентрироваться, уже раздался было его душераздирающий вопль, но тут маг взял ситуацию под контроль. Магическая сила расплющила черного демона и отбросила к стене. Здесь Косталисправлялся удачнее. Его магические удары легко доставали демона, сминая его и не давая ему возможности концентрироваться. Потом потерявшее форму черное облако начало заворачиваться в кокон – маг уверенно упаковывал демона в тугой сверток...

И тут демон сделал какое-то сверхъестественное усилие, размотался, вытянул черный отросток к стене и начал быстро втягиваться в незаметную трещинку.

– Уходит! – взвыл маг, поднял руки и выпалил какое-то заклинание.

В остатке кокона вспыхнула белая искра, вокруг нее закрутился крохотный неистовый смерчик и с диким визгом начал всасывать в себя черного демона, явственно вытягивая из стены ту его часть, которая успела было ускользнуть.

Конан тем временем бился с големом. Удары меча отбрасывали тварь раз за разом, но он неутомимо продолжал выдыхать пламя. Конан мешал ему, и сильно мешал, но капли расплавленного металла продолжали утекать с пластины. И вот, когда маг уничтожал черного демона, голем прорвался. С торжествующим шипением он шагнул из пентаграммы, выдыхая теперь не узкий пучок раскаленного пламени, а менее жаркое, но большое облако огня.

Конан, чувствуя, как сгорают на нем волосы, шагнул вперед и рубанул голема уже во всю силу, не останавливая, а убивая. Удар меча разрубил голема пополам. Взметнулись крохотные красные искорки и следом за черным демоном унеслись в недра визжащего смерчика.

И все кончилось. С последними искрами красного демона смерчик замолчал и

свернулся, не оставив и следа.

Конан хлопал себя по лицу и одежде, забивая тлеющие участки, а маг смотрел на него, опустив руки.

— Ты что сделал, недоумок? — спросил маг не столько гневным, сколько усталым голосом. — Я тебе его держать велел, а не убивать!

— Ну извини, — пожал плечами Конан, — не удержал.

— Не удержал! Ах ты, безмозглый варвар, где я теперь еще такого демона найду?! Настоящий осколок лемурийской магии... Такие случаи раз в жизни бывают, и на тебе — какой-то громила своим дурацким мечом... Взять и все испортить!

— Да ладно, Косталис, нет в мире ничего такого, о чем стоило бы жалеть. Мы живы — и это главное. Ты же не смог одолеть демона, пока он был в пентаграмме, так как бы ты справился с ним, когда он вырвался из нее?

— Тебе что, ведомы все мои возможности, глупец?! Послать тебя, что ли, следом за демонами?.. Вытащить обратно, хотя бы одного... У меня еще оставались неопробованными два могущественных заклинания и один артефакт! — маг начал копаться среди подготовленных предметов. — Где же он?.. Вот!

— Косталис, хватит блажить! Пусть ты наложил заклятие на мой меч, но я тебе сейчас мозги вправлю и без оружия... Хочешь попробовать?

Маг замолчал, с отвращением глядя на киммерийца.

— Ты справился с демонами, — продолжал Конан, — назови теперь свою цену: что я тебе должен за это?

— Ты мне должен? Ты мне должен! Убирайся с глаз долой! Ничтожество! За какие деньги я найду другого такого чистокровного лемурийского демона?! Проваливай лучше, пока цел... Эй, кто там?! Отдайте варвару его коня, его пожитки, и пусть он исчезнет уже с глаз моих! Ну, надо же...

Конан, ухмыляясь, шел за слугой мага к выходу из башни и размышлял о том, что в ближайшей кузнице ему надо будет купить новый меч, а нынешний продать кузнецу для переделки.

Выщербленное в битвах лезвие уже слишком плохо поддается заточке...